

Г. Б. Корнетов

«ВЫСОЧАЙШАЯ ТОЧКА, ДОСТИГНУТАЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКОЙ»

(С. Н. Дурылин о педагогических
идеях Л. Н. Толстого)

УДК 371.4

ББК 74.03(2)

С. Н. Дурылин, развивая в 1907–1913 гг. педагогику свободного воспитания в России, опирался на педагогические идеи и опыт Л. Н. Толстого 1860-х — 70-х гг. Постепенно он перешел от неприятия педагогических воззрений Л. Н. Толстого 1890-х — 1900-х гг. к их признанию в качестве основополагающих в деле решения проблем воспитания и обучения подрастающих поколений.

Ключевые слова: педагогические идеи Л. Н. Толстого, педагогика свободного воспитания С. Н. Дурылина, оценка С. Н. Дурылиным педагогических воззрений Л. Н. Толстого.

G. B. Kornetov

“THE HIGHEST POINT REACHED BY RUSSIAN PEDAGOGY” (C. N. DURYLIN ABOUT L. N. TOLSTOY’S PEDAGOGICAL IDEAS)

In the period from 1907 to 1913 when developing the pedagogy of free upbringing S. N. Durylin based his ideas on pedagogical views and experience of L. N. Tolstoy as voiced and practised in the 1860 and the 1870s. Gradually, from negating L. N. Tolstoy’s pedagogical ideas S. N. Durylin passed to recognizing them as fundamental principles in solving the problems of upbringing and educating rising generations.

Key words: pedagogical ideas of L. N. Tolstoy, the pedagogy of free moral education, S. M. Durylin’s assessment of pedagogical ideas of L. N. Tolstoy.

«Л. Н. Толстой — бесконечная, трудная, прекрасная загадка. Кому удастся разрешить ее безошибочно? Все обычные решения — не решения, а только приближения к решению, сде-

ланные с точностью до одной десятой, одной тысячной и т. д. “Вещи познаются сравнением”. Но среди нас, в нашей современности, Толстого не с кем сравнить, и ему нет подобных. Он

— свидетель и обитатель иной современности, чем наша, и только там можно найти ему подобных. Эта его современность отделена от нашей, в которой довелось ему жить, давностями в столетия и тысячелетия; для нас его современность — не современность, для нас — это такое бесконечное, дряхлое, ветхое прошлое, о котором мы не можем и помыслить. Для него — это живая современность. Там с древними пророками, основателями религий, мудрецами, во всю жизнь создававшими одну книгу или вовсе не создававшими книг, там он — не одинокий, как среди нас, там он — один из мудрецов. Для нас же он — последний мудрец, как был когда-то последний пророк, как будет, может быть, когда-нибудь последний ученый» [5].

Этими словами начинается текст, написанный русским педагогом, богословом, литературоведом и поэтом С. Н. Дурылиным сразу после встречи с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне 20 октября 1909 г. и повествующий о целом дне яркого общения молодого человека с великим мыслителем. Можно без преувеличения сказать, что вся жизнь Сергея Николаевича прошла под знаком «последнего мудреца», ставшего для него подлинным источником духовной силы и творческих исканий. Влияние Л. Н. Толстого на С. Н. Дурылина трудно переоценить. Эта тема заслуживает специального монографического рассмотрения, впрочем, так же, как и тема отношения С. Н. Дурылина к идеям, творчеству и жизненному пути

Л. Н. Толстого. Я же коснусь лишь одной проблемы, связанной с оценкой Сергеем Николаевичем педагогических исканий писателя.

Лев Николаевич Толстой (1828—1910) являлся практически единственным отечественным педагогом второй половины XIX — начала XX в., чьи идеи и опыт были не только известны и признаны на Западе, но также оказали заметное влияние на развитие теории и практики образования, прежде всего представителями реформаторской педагогики и нового воспитания. В их ряду достаточно назвать Марию Монтессори, которая в начале XX столетия в своих работах прямо и непосредственно обращалась к педагогике Л. Н. Толстого, давая ей исключительно высокую оценку.

В 1860-е — 70-е гг. Толстой, опираясь на опыт созданной им в Ясной Поляне школы, разработал оригинальную теорию свободного образования. Он продолжил традицию Ж.-Ж. Руссо, потребовавшего в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.) строить педагогическую работу с ребенком на основе создания максимально благоприятных условий для его естественного развития на основе предоставления ему свободы самовыражения. В отличие от Ж.-Ж. Руссо Л. Н. Толстой не стал писать литературно-педагогических утопий, а на практике организовал свободное обучение детей и дал ему глубокое и оригинальное теоретическое обоснование.

Педагогические искания велико-

го писателя всколыхнули российскую педагогику. Отечественные педагоги, не принявшие радикальные идеи Л. Н. Толстого, не могли просто пройти мимо. Они были вынуждены на них реагировать, критиковать их и опровергать. Это делало теорию свободного образования мощнейшим катализатором развития педагогической мысли и педагогической практики в России.

В конце XIX — первой четверти XX столетия в нашей стране на основе развития идей Л. Н. Толстого получило развитие педагогическое течение свободного воспитания, которое носило международный характер. Но на Западе оно в большей степени ориентировалось на идеи Ж.-Ж. Руссо, а также его западноевропейских и североамериканских последователей. В России яркими представителями свободного воспитания были К. Н. Вентцель, И. И. Горбунов-Посадов, А. У. Зеленко, О. В. Кайданова, М. М. Клечковский, Н. В. Чехов и С. Н. Дурылин. Они открыто провозгласили себя преемниками и продолжателями дела Л. Н. Толстого.

Сергей Николаевич Дурылин (1886 [2] — 1954) — личность яркая, многогранная и трагическая. В молодости — профессиональный литератор и журналист, теоретик свободного воспитания, участник археолого-этнографических экспедиций, богослов и философ, в 1912—1918 гг. секретарь Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Книга С. Н. Дурылина «Церковь невидимого града. Сказание

о граде Китеже» (М., 1914) получила высокую оценку императора Николая II, что позволило ему некоторое время преподавать русский язык царским дочерям [9. С. 314].

В 1920 г. С. Н. Дурылин был рукоположен в священники, в 1922 г. арестован и выслан в Челябинск. **Затем, до 1936** гг. пережил еще несколько арестов и ссылок. С 1936 по 1954 гг. С. Н. Дурылин жил в Болшеве (ныне микрорайон г. Королева) под Москвой. Будучи автором многочисленных искусствоведческих и литературоведческих работ, стал доктором филологических наук, профессором, заведовал кафедрой истории русского театра ГИТИСа, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Имя С. Н. Дурылина является признанным достоянием современной отечественной культуры. В Болшеве открыт его дом-музей. Издаются и переиздаются его педагогические, искусствоведческие, литературоведческие работы, публикуются художественные произведения, дневники, воспоминания, переписка. Его творческому наследию посвящено значительное количество исследований.

С. Н. Дурылин родился в Москве в патриархальной семье купца первой гильдии Николая Зиновьевича Дурылина. Он учился в 4-й мужской гимназии (бывшем Благородном пансионе при Московском университете). Рано увлекся литературой, музыкой, театром, живописью, начал писать стихи. В гимназические годы С. Н. Дурылин проникся революци-

онными настроениями. По словам Г. Е. Померанцевой, в феврале 1904 г. одним из писем он пишет, что «намерен уйти из своей обстановки и среды, потому что находит ее «пошлой, затягивающей и вредной». Он будет жить только на средства, заработанные личным трудом... Он сделал первый шаг: ушел из гимназии, заявив товарищам и начальству, что считает «стыдным» пользоваться теми привилегиями, которые дает образование, а самообразование — «ложным и вредным»» [10. С. 17]. Юный С. Н. Дурылин стал зарабатывать на жизнь частными уроками. Среди его учеников был будущий выдающийся артист театра и кино Игорь Владимирович Ильинский.

В 1903 г. С. Н. Дурылин знакомится с людьми из круга Толстого — с А. С. Буткевичем и Н. Н. Гусевым, который позднее стал секретарем писателя. По совету Н. Н. Гусева С. Н. Дурылин обратился с просьбой о предоставлении литературной работы к И. И. Горбунову-Посадову, который в то время в качестве редактора руководил «Посредником» — просветительским издательством, созданным в 1884 г. по инициативе Л. Н. Толстого и сохранявшим с ним тесную связь. Летом 1905 г. С. Н. Дурылин был зачислен в штат издательства. Позднее он вспоминал: «С лета 1905 г. я работал в книгоиздательстве “Посредник”, где все и всё были полны вниманием и любовью к жизни и мысли Л. Н. Толстого» [5].

В 1906 г. С. Н. Дурылин пишет и издает небольшую книжку «В школь-

ной тюрьме. Исповедь ученика», которая получила широкий общественный резонанс (книга была повторно издана в 1909 г.). В ней человеком, не понаслышке знакомым с гимназической жизнью, была нарисована поистине страшная картина массового российского образования того времени: «Школы без науки... Учителя без знаний и без любви к делу... Ученики без охоты учиться... <...> И что удивительно, если в этих школьных тюрьмах происходит постоянное духовное убийство детей, растление их души и тела, если там гибнут несчастные дети, не в силах вынести тюремного режима? Всякая тюрьма требует жертв — и школьная тоже» [3. С. 45, 47].

И хотя в своей книге С. Н. Дурылин прямо не упоминает имя Толстого, в каждой ее строчке, в каждом слове, в самом тоне произведения явственно слышится голос создателя теории свободного образования, обличавшего бессмысленность традиционного образования, по самой своей сути чуждого детскому сознанию. Развивая мысли великого писателя, юный литератор пишет: «Понимать и воспринимать можно только то, что воспринимается в силу естественного стремления к какой-либо области знания или искусства. Знать можно только то, к чему есть интерес. Эти два положения просты, несомненны и очевидны. Ясно и понятно, что ничто нельзя навязать человеку помимо его воли, что нельзя заставить его полюбить что-либо помимо его самого, — но нас, маленьких, несчастных лю-

дей, именно и заставляли, под страхом наказания и под приманкой наград, делать то, что мы не могли делать, любить и понимать и знать то, что мы не хотели ни любить, ни понимать, ни знать. И это было страшное насилие над нами, это было грубое и жестокое насилие. Мы были похожи на людей, которые сыты, не хотят есть, и которм, насильно разжимая рот, всовывая в глотку грязными руками, дают есть недоброкачественную, вонючую пищу. Они не хотят ее есть, они показывают, как могут, что она им противна, а им снова суют ее в рот, и заставляют давиться и глотать ее, чтобы потом с тяжелыми усилиями выбросить ее из себя вон непереваренной. Маленькие люди в узких серых курточках, за книгами непонятных и бесконечно чужих Цезарей и грамматик, мы в душе рвались вон из серых стен с большими окнами, называвшихся гимназией... Из того, чему нас учили, знать мы не могли ничего, потому что прежде всего не хотели знать. Не все ли равно, что будут пихать в рот насильно — мясо или черствый сухарь! Все одинаково противно и все одинаково не остается в желудке. Раз наша потребность в знании не была понята и удовлетворена, какое было нам дело до того, что нам дают вместо того, чего мы хотим?» [3. С. 34, 39].

Вероятно, что острога и успех книги «В школьной тюрьме» послужили одной из причин того, что И. И. Горбунов-Посадов предложил молодому сотруднику стать ответственным секретарем нового журнала

«Свободное воспитание», который он сам возглавил в качестве главного редактора. С. Н. Дурылин занимал этот пост с момента создания журнала в 1907 г. до 1913 г. Именно в этот период своей жизни он системно обратился к проблемам воспитания и обучения, постоянно осмысливая их в контексте педагогических идей и опыта Л. Н. Толстого.

Сам С. Н. Дурылин вспоминал: «В сентябре 1907 г. “Посредник” начал издавать журнал “Свободное воспитание”; идейно этот журнал был детищем IV тома сочинений Толстого и его Яснополянской школы. Журнал этот просуществовал 10 лет и вошел уже в историю русской педагогики как единственный орган, ратовавший за реформу воспитания на основе свободы, то есть признания творческой личности ребенка. В журнале участвовал и Лев Николаевич. Для первого же номера журнала он дал свою статью “Беседы с детьми по нравственным вопросам”. Это был возврат его к педагогическим работам после 30-летнего перерыва: статья отражала его занятия с крестьянскими детьми, веденные им летом 1907 г. Однако тогдашние педагогические журналы почти не обратили внимания на это третичное выступление великого писателя на педагогическом поприще» [5].

Из номера в номер, практически в каждом выпуске «Свободного воспитания» с 1907 по 1913 гг. С. Н. Дурылин публиковал статьи, очерки, заметки, обзоры, рецензии, так или иначе связанные с педагогической

проблематикой. В этих материалах он постоянно прямо и непосредственно обращается к педагогическим идеям Л. Н. Толстого, давая им оценку, комментируя и развивая их, ссылаясь на них как на высший авторитет.

С. Н. Дурьин говорит о том, что «в педагогической мысли всегда было два основных течения, почти никогда не соединявшихся в одном русле: одно, исходя из данных разума и опыта, хотело *лучшего* в педагогике и педагогической действительности, другое, исходя из самых очевидных нужд текущей педагогической действительности, современной их носителям, требует, со всей силой разума и убедительностью яркой мысли, *лучшего*, признавая, что только в *лучшем* — избавление от худого и худшего. Многочисленные реформаторы маленьких областей и уголков педагогической действительности верят в спасительную силу *хорошего* — силу улучшений, исправлений, поправок и т. п. — и боятся лучшего, не веря ему» [4. С. 78–79]. К числу тех, кто последовательно стремится к лучшему, кто заявляет, что «существующее не исправимо, но заменимо другим, лучшим», он относит Толстого [4. С. 79].

Задаваясь вопросом о том, какое из обозначенных течений может быть признано истинным, С. Н. Дурьин отвечает на него диалектически: «Реальное осуществление идей новой педагогики в жизни зависит от слияния этих двух течений в одном общем русле. Иначе педагогическая работа, стремящаяся только к “хорошему”, к

мелким и частным, но, конечно, необходимым изменениям в современной педагогической действительности, будет лишена огромного жизненного влияния великой педагогической мысли, устанавливающей законы педагогического развития, определяющей самое существо педагогического воздействия в ряду других воздействий — государственного, религиозного и др.; но и “лучшее”, не осуществляемое неполным, но необходимым “хорошим”, никогда не станет “лучшим” в действительности. Работники для педагогического будущего должны работать рука об руку с работниками педагогического настоящего. Педагогическое “настоящее” должно быть непрекращающимся синтезом педагогического “хорошего” и “лучшего”» [4. С. 79].

С. Н. Дурьин сравнивает масштаб личности Л. Н. Толстого с масштабом личности «мудрейшего из греков» и «олицетворения философии» Сократом. Он пишет: «Л. Н. Толстой не нуждается ни в каких сравнениях, и его почти не с кем сравнивать; но если уже нельзя обойтись без сравнений, если мы все еще призываем их себе на помощь, когда хотим ближе подойти к великому человеку, то одно сравнение заслоняет собою все другие, когда думаешь о Толстом: Лев Толстой и Сократ. <...> В них обоих — в Сократе и Толстом — горел огонь учительства. <...> Быть истинным учителем, это, прежде всего, быть учеником; вечными учениками были Сократ и Толстой. Если у Сократа учениками был афинский народ, кипящая мыслью и

деятельностью афинская площадь, то у Толстого, к концу его жизни, учениками был весь разноязычный, разнотверный, разноплеменной мир человеческий, кипящая враждой и отчаянием Вселенная. Но и Сократ, и Толстой поражают одинаково *всенародностью* своего учительства: у них столько учительских приемов, подходов к человеку, столько им только ведомых путей в человеческую душу и разум, что не было около них человека, который бы не мог быть их учеником. Если современная педагогика только начинает додумываться до необходимости индивидуализировать преподавание и воспитание и каждому говорить на языке каждого, то Сократ в древности, Толстой в современности давно и прекрасно осуществили все это: не было более внимательных к ученику, чутких к сложнейшим, почти неуловимым движениям мысли и чувства учителей, чем эти два» [4. С. 258–259].

С. Н. Дурылин относит Толстого к числу тех мыслителей, которые, решая вопрос о том, «что есть истина в воспитании и просвещении», ставили проблему предельно широко, в основном не связывая ее с определенной эпохой, хотя и пытаясь учесть ее запросы. Путь этих мыслителей «от общего к частному, от принципов — к их применению, от основначал педагогики — к педагогической тактике и практике. Иначе говоря: “лучшее”, преломляясь в плохой действительности, становится “хорошим”, не переставая в своих основаниях быть “лучшим”» [4. С. 80]. При этом он отмечает, что «русской

педагогической мысли суждено было много поработать и послужить идее педагогического “лучшего”. Теория “малых дел” не имела успеха у виднейших представителей русской педагогики, как и вообще у русских мыслителей. Все наиболее значительные русские педагогические мыслители никогда не ограничивались частями и мелочами педагогической проблемы, хотя бы и крайне существенными в настоящем. Вопрос народного просвещения для русского мыслителя не вопрос только практически-житейского характера — об известном соотношении группировки общественных сил с нуждами широкого просвещения народа или об известном внешнем школьном реформаторстве: перемене программ, правил и т. п., — но прежде всего вопрос об основных задачах и целях, о сущности образования и воспитания вообще» [4. С. 79–80].

По мнению С. Н. Дурылина, «высочайшая точка, достигнутая русской педагогикой в прошлом, — педагогическое учение Толстого — есть учение о школьном раскрепощении личности» [4. С. 82]. С. Н. Дурылин относит Л. Н. Толстого к числу тех «гигантов педагогической мысли», которые боролись против «насильственной школы» [4. С. 8]. Говоря о том, что «освобождение школы есть прежде всего освобождение детей», что это освобождение именно так «и было понимаемо творцами новой педагогики», он отмечал, что во главе этих творцов «стоят великие имена Руссо и Л. Толстого» [4. С. 9, 46]. Основная идея Толстого

(как и Руссо) — идея свободы [4. С. 10]. С. Н. Дурылин называет Толстого в числе виднейших представителей российского свободного воспитания [4. С. 57].

Оценивая ситуацию, складывающуюся в начале XX в. в отечественном и зарубежном образовании, С. Н. Дурылин приходит к выводу, что казавшаяся прежде неосуществимой педагогическая утопия Толстого начинает «то там, то тут переходить малопомалу в жизнь» [4. С. 10].

Анализируя существующую систему воспитания и обосновывая свой педагогический идеал, С. Н. Дурылин обращается к идеям Толстого: «Наша современная система воспитания нелепа потому, что она, одурманивая детей удушливой атмосферой взрослых, втискивая их преждевременно в тесный круг интересов взрослых, лишает их детства, отнимает у них прекрасное право быть детьми. Разумной же системой воспитания будет единственно та, которая возвратит детям детство, при которой дети будут детьми, которая запомнит и исполнит прекрасный завет Л. Толстого: “Уважай всякого человека, но во сто раз больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить девственной чистоты его”. Забота воспитателя при такой системе будет не в том, чтобы наложить на ребенка, свободным или несвободным способом, печать взрослого, отпечатать в его душе невозвратно свой скудный и несовершенный образ, но в том, чтобы, помогая работе детского сознания, открывая детскому разуму

свободные пути развития, оставлять чистой и свободной великую работу детской души, давать простор тем великим началам правдивости, веселья, чуткости и светлости душевной, которые живут во всяком ребенке» [4. С. 41].

С. Н. Дурылин обращает внимание на то, что «такой художник слова, как Л. Толстой», восхищался художественно-литературным мастерством детей, подчеркивая, что в школах преподают родной язык так, что «этим преподаванием безвозвратно губят оригинальность и красоту языка у детей» [4. С. 135–136].

С. Н. Дурылин говорит о том, что все великие воспитатели, называя в их числе и Толстого, «носили в себе вечное детство, воистину были как дети, когда подходили к детям и были с детьми, и потому детские сердца раскрывались пред ними, и они создавали школы и воспитание, единственные по успешности и по своему влиянию на людей» [4. С. 44].

Для С. Н. Дурылина уникальный период детства человека, сам ребенок во всей его глубине и сложности являются важнейшими педагогическими проблемами. Рассматривая в духе евангельского учения детство как бесценную, святую и прекрасную пору человеческой жизни, С. Н. Дурылин в статье «Вечные дети» обращался к творчеству Толстого: «“Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?” Эти знаменитые строки из “Детства” Толстого повто-

рит всякий, и глубоко, непоправимо несчастен тот, кто не повторит этого» [4. С. 32]. И далее приводил следующие слова великого писателя: «Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, каких я только могу вообразить себе, но только чтобы не было детей, или такими людьми, как теперь, но с постоянно пребывающими свежими от Бога детьми, я бы выбрал последнее» [4. С. 32–33].

Говоря о том, что «взрослый может дать ребенку знания, поделиться с ним опытом, но никак не может дать ему того, чего сам не имеет, — ту первоначальную могучую стихию пылливости духа, добра, правдивости и веселья, которая преисполняет всякого ребенка», С. Н. Дурылин пишет: «Отлично характеризует это великое преимущество детей перед взрослыми Л. Толстой: “Отчего дети нравственно выше большинства людей? Оттого, что разум их не извращен ни обманами, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грех, соблазн и обман. Первым надо только идти, вторым — бороться. Ребенок знает свою душу, она дорога ему, он бережет ее, как веко бережет глаз, а без ключа любви никого не пускает в душу свою. Дети знают истину так же, как часто люди знают иностранный язык, хотя и не умеют говорить на нем. Они не сумеют сказать вам, в чем добро, но безошибочно отвернутся от всего недоброго. Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проницательного человека, но

самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрывается, узнает его и отвергается. Какое время может быть лучше детства, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — являются единственными побуждениями к жизни”. Тот же Толстой в одном месте утверждает, что наряду с не имеющими разума животными и просветленными высшим разумом святыми, радость жизни дано чувствовать еще одним — детям» [4. С. 39–40].

С. Н. Дурылин пишет, что «преклонение перед божественностью человека и особое, постоянное благоговение перед ребенком — есть красная (тут “красный” по-древнеславянски совпадает со словом “прекрасный”) черта педагогического учения Льва Толстого» [4. С. 260]. Он обращает особое внимание на то, что «великое благоговение к только что исшедшей из источника всякого совершенства детской душе в Толстого подкреплялось глубоким *знанием* детей, своих учеников. <...> В Яснополянской школе <...> было подлинное изучение, настоящее знание детей! Там не забывали одной основы всякого знания: “Безмерной нежностью всеведение полно”. Там была эта нежность, дающая всеведение, и мы наслаждаемся доселе и этой нежностью понимания, и этим знанием. <...> Такое знание дается лишь способностью учителя “быть как дети”» [4. С. 264–265].

С. Н. Дурылин четко определяет две «драгоценные черты Толстого-

учителя: первая черта — его уверенность в себе, что он, учитель знает только то, что он ничего не знает, что деятельность учителя, соприкасающаяся с тайнами человеческой души, наиболе обильна ошибками из всех деятельности человеческих, что учитель есть вечный и часто плохой, неудачный, тупой ученик среди своих учеников, и вторая черта — крепкое доверие к детской свободе» [4. С. 266].

По мнению С. Н. Дурылина, «великое уважение к человеку, теплая любовь к ребенку, защита человеческого разума, стремление вдохновить, а не притупить разум знанием, внимание к ученику, бережность к его самобытной мысли, чуткость ко всей духовной жизни ученика, вечное ученичество учителя — вот те драгоценные черты Льва Толстого-учителя, которые светили и светят нам в его жизни, в его учении и в его школе» [4. С. 263].

В статье «Эксперимент или попытка», имеющей подзаголовок «К вопросу об экспериментальной школе», С. Н. Дурылин, разъясняя, что он понимает под «истинной экспериментальной школой», обращается к опыту Л. Н. Толстого. С. Н. Дурылин пишет: «Такой школой была яснополянская школа Л. Толстого (везде и всюду, как только речь идет об истинном воспитании, приходится вспоминать эту школу). Когда Толстой приступил к созданию своей школы, первое, что он сделал, был полный отказ от всех не только приемов, но и от самой сущности, самой души (если только можно употребить здесь это слово) старой

педагогики. Толстой действовал на свой страх и совесть. Он был убежден в одном: в том, что не он знает, чему учить детей, и что дети откроют ему это, и что весь его труд — тяжелый и напряженный — должен быть в том, чтобы постоянно угадывать эти колебания детского интереса, найти в них то основное, что составляет сущность этого интереса, и эту-то сущность постоянно оберегать и удовлетворять всеми силами. Так Толстой и поступал постоянно в своей школе. Во всей педагогической литературе нет для меня лично более искренних, прекрасных, постигающих самую суть вопроса воспитания страниц, как те, где Толстой рассказывает, как дети убегали из его школы с уроков, находя на воле более интересные занятия, или те, где он просто и художественно рассказывает, как шумная и громоздкая “мала куча” ребят, возившаяся на полу, рассаживалась сама собой, мало-помалу по партам и, затаив дыхание, слушала рассказ учителя... Сам собой разрешался у Толстого вопрос, нужно или нельзя, рано или поздно и т. д. преподавать детям историю, географию и другие предметы и как именно ему надо их преподавать, по какой методике или системе; ему не для чего было исписывать для этого сотни страниц, как делаем это мы, мнящие себя безгрешными в постигновении истинных детских нужд и интересов: ему ответ давали сами дети — и давали единственно верный и безошибочный ответ. Толстой верил только ему и не верил в толстые книги педагогов, — и оттого

у него была цветущая школа и счастливые дети... Мы поступаем обратно, — и у нас — гниющая школа-труп и все растущие детские самоубийства. Школа Толстого была непрерывный, ни на минуту не останавливающийся эксперимент. Свою теорию воспитания, свои неподражаемые народные рассказы, вошедшие во все хрестоматии для детского чтения, Толстой вынес из своей школы, из глубокого доверия к детским силам, из своего бережного, чуткого отношения к свободе тех, “чье есть царство небесное”. Толстой зачинал свою школу, вел ее и производил в ней то, что теперь называют “экспериментом”, подчиняясь всецело и безраздельно одному закону — детской свободе. Мерило успешности или неуспешности его приемов, пригодности или непригодности его системы было у него одно — детское счастье, ничем не омрачаемая радость, детская постоянно растущая жажда к знанию, а все это может быть налицо только тогда, когда не связана детская свобода, когда ребенок чувствует себя свободным во всех своих движениях, когда он ничего не таит про себя и в себе, боясь обнаружить это, боясь требовать, боясь пытливно спрашивать, боясь быть самим собой [4. С. 49—50].

Мысль о Толстом как педагогическом экспериментаторе С. Н. Дурьин развил в статье «А. Н. Толстой как школьный учитель»: «Толстой поистине первый педагог-экспериментатор. Десятки страниц его знаменитой летописи «Яснополянская школа за

ноябрь и декабрь месяцы» посвящены подробному описанию и разбору тех методов преподавания различных предметов в школе, которые то принимались, то отвергались, из которых возникали один из другого новые методы. Он внимательно отмечает все малейшие достоинства и недостатки того или другого метода, педагогического приема, учебника; он следит за влияниями педагогических методов и приемов на внимание, способности, интерес, характер детей; он учитывает все степени вреда и пользы, приносимых тем или иным способом преподавания. Подбор даваемых сведений, их объем, их общее значение в развитии детей — все подвергается самому глубокому обдумыванию и обсуждению. В его школе нет ничего случайного. Путем сомнений, отрицания, исследования вырабатываются те методы преподавания, тот внутренний распорядок школы, тот объем даваемых ею знаний, тот круг ее воспитательных воздействий, который соответствует потребностям, склонностям, индивидуальностям учащихся, причем учитываются все особенности их быта, среды, возраста, верований» [4. С. 269].

Говоря о глубокой любви Толстого к народу, о его подлинном демократизме, С. Н. Дурьин пишет: «Его школа — община, а всякая община возможна лишь при таком укладе жизни, который приемлем для подавляющего большинства ее членов; так в школьной общине абсолютно верен лишь тот метод преподавания, которым доволь-

ны ученики, то есть широкий нижний слой общины, на который больше всего ложится трудность работы уклада жизни. Кажущееся стеснение учителя в данном случае вознаграждается тем плодотворным общим захватом, той любезной всем общинной работой, которая только при данных условиях и возможна. Нет сомнения, что в *этом* смысле Яснополянская школа была самая народная из всех школ, а ее учитель был народнейшим из всех народных учителей; но народны они были и не только в этом одном смысле. Я не боюсь сказать, что школа Ясной Поляны была единственной истинно народной школой в России. Она была построена на глубокой вере в творческие силы народа; на уважении к духу и деятельности народа, уважении, так ярко выразившимся в убеждении, что свобода развития, предоставленная народному гению, приведет и к процветанию школы, и мы знаем, что вера эта блестяще оправдалась в практике Яснополянской школы... Толстой не *учил* в своей школе в *нашем* смысле, в смысле много духовного превосходства учителя над учениками, над народом, но учил, учась сам, учил, помогая лишь свободному развитию великих народных сил» [4. С. 269–270].

С. Н. Дурылин показывает однозначно негативное отношение Толстого к наказаниям детей. Он пишет: «Наказание есть ложь и мерзость перед Богом, ибо только Богу ведома душа человека. Так кратко могу я выразить сущность воззрений Толс-

того-учителя на наказание, это первое поругание детства, первое, что насильственно вовлекает ребенка в мир организованного зла. <...> Не одна только вера в нравственную силу детства и природы, но и глубокое знание детской природы и души заставляют Толстого — школьного учителя — вычеркнуть принуждение и наказание из числа воспитательных средств своей школы <...> «Насилие употребляется только вследствие поспешности и недостатка уважения к человеческой природе», — говорит Толстой, и там, где учитель не страдает ни тем, ни другим, там создается свободная школа. Толстой не страдал «поспешностью», столь распространенным грехом педагогической торопливости; уважение же к человеческой природе есть ось всей многолетней жизни Толстого, и оттого он как школьный учитель создал свободную школу» [4. С. 266–267].

С. Н. Дурылину импонировала установка Льва Толстого на самовоспитание. Говоря о том, что «*хотящий просвещать*» должен начинать «*работу просвещения с самого себя*», быть первым, «кого он должен просветить», что «без самопросвещения не может быть просвещения», С. Н. Дурылин в качестве эталона подлинного просветителя приводил Льва Толстого: «Вся деятельность его может быть определена как проповедь самовоспитания, самообновления, самопросвещения как естественного действительного начала всякой деятельности человека: писателя, художника, учителя, учено-

го, пахаря и т. д.» [4. С. 221].

Говоря о необходимости не подчиняться внешнему авторитету в случае, если провозглашаемое им противоречит внутренним убеждениям, необходимости верить себе, С. Н. Дурылин апеллировал, в частности, к воззванию Л. Н. Толстого «Верьте себе», в котором тот обратился к молодежи с призывом «слушать и слышать в себе “голос Божий”» [4. С. 223].

Можно без преувеличения сказать, что все педагогическое творчество С. Н. Дурылина буквально пронизано духом идей Толстого. Ни в одной из своих опубликованных в журнале «Сводное воспитание» статей С. Н. Дурылин не позволяет в его адрес никаких критических замечаний и высказываний. Однако в написанной в это же самое время, но так и не опубликованной при жизни С. Н. Дурылина статье «Л. Н. Толстой и свободное воспитание»¹ содержится резкая критика в адрес своего кумира. Эта критика касается педагогических идей Л. Н. Толстого 1890-х — 1900-х гг., тех идей, в которых великий мыслитель отошел от идеалов столь милого сердцу С. Н. Дурылина свободного воспитания.

Рассмотрим основные положения статьи «Л. Н. Толстой и свободное воспитание». Она как бы состоит из двух частей. Первая часть статьи написана в обычном для С. Н.

Дурылина духе преклонения перед писателем. Он дает исключительно высокую оценку педагогики великого мыслителя: «С Толстого начинается русская самобытная педагогическая мысль... Педагогические идеи Толстого при своем появлении произвели бурю в маленьком педагогическом мире 60-х гг., но они же впервые привлекли к педагогическим вопросам всеобщее внимание, они первые заставили общество думать о детях и о воспитании». По мнению С. Н. Дурылина, «величайшее значение Толстого-педагога прежде всего главнее всего в том, что он с гениальной смелостью провозгласил основной принцип новой педагогики — клич нового освободительного движения — свобода детям!». С. Н. Дурылин подчеркивает, что именно Толстым была дана самая яркая и определенная формулировка сущности нового воспитания — «отрицание права и возможности старшего поколения — радeteлей воспитания и образования — подчинять себе младшее» [4. С. 254].

По словам С. Н. Дурылина, Л. Н. Толстым были сказаны самые убедительные и ясные слова в защиту свободного воспитания, в защиту права молодого поколения на свободу и независимость: «В мире нет абсолютных истин, абсолютно нужных знаний, кроме абсолютно ненужных,

¹ Статья С. Н. Дурылина «Л. Н. Толстой и свободное воспитание» была впервые опубликована в педагогическом альманахе «Свободное воспитание ВЛАДИ» (М.: Владимир, 1993. Вып. 4. С. 1–4). Впоследствии статья несколько раз переиздавалась. См., например: Новые ценности образования. Свободное воспитание: отечественные традиции и инновации. — М., 2003. Вып. 3 (14).

— все индивидуально: все нужно и ненужно, истинно или неистинно постольку, поскольку все индивидуально нужно или нет, истинно или нет. Поэтому не может быть принуждения в воспитании и образовании. Исходя из таких соображений, Толстой горячо обрушивался на весть строй современного образования и воспитания. Тысячелетиями, по его мнению, детей учили тому, чему они никогда не хотели учиться, отвечали на вопросы, которые они не задавали и не интересовались, в каком направлении работает их мысль. Все воспитание и образование, низшее, среднее и высшее, от школы грамоты до университета, проникнуто принуждением, насилием и ложью — поэтому вредно и опасно для жизни и развития». Именно поэтому, подчеркивал С. Н. Дурылин, «с точки зрения Толстого, народный учитель, заставляющий крестьянских детей учить наизусть стихи Некрасова или Никитина, вселяющий в них интерес к истории Иосифа и к преобразованиям Петра, — также не нужен и вреден, как профессор, догматически излагающий студентам свои воззрения, безразлично к какой бы области знания они не относились» [4. С. 254–255].

Величайшая заслуга Л. Н. Толстого состоит в том, что он на практике реализовал свою идею свободного образования. С. Н. Дурылин обращает на это особое внимание: «В руководимой Толстым Яснополянской школе он стремился к полной свободе детей

учиться или не учиться, чему они пожелают. В выборе чтения и занятий для детей Толстой неумолимо следовал своим принципам — и в этом он видел успех своей школы: в ее соответствии с детскими потребностями и нуждами» [4. С. 255].

Оценивая вклад Л. Н. Толстого в педагогику, С. Н. Дурылин пишет: «В статье “Воспитание и образование” он дает свой ответ на вопрос, конечно, первый и единственный по важности во всем воспитании: “Воспитание — насильственно и потому незаконно и несправедливо, не может быть оправдано разумом и поэтому не может быть предметом педагогики”. Чтобы понять это, на первый взгляд, странное утверждение, надо вспомнить, что сам Толстой называл воспитанием “стремление одного человека сделать другого таким же, какой он сам”. Но такое стремление может быть осуществлено только путем насилия и принуждения — открытого и скрытого, грубого или тонкого, а насилие и принуждение нетерпимы и ненавистны Толстому в воспитании и образовании. Крайний педагогический радикализм Толстого нашел в приведенном выше отрывке свое наиболее полное и, по нашему мнению, бессмертное выражение. После провозглашение таких идей в истории педагогики начинается новая эпоха, открывается новый путь, отправная точка которого идеи Толстого и его яснополянская школа как первая попытка привести их в жизнь» [4. С. 255].

Однако вторая часть статьи, составляющая примерно ее половину, носит резко критический характер. С. Н. Дурылин пишет, что «Толстой остановился в развитии своих педагогических идей на той ступени, которую он достиг в 60–70-х гг. Интерес к вопросам воспитания и образования, к детям и школе в нем никогда не угасал, а под конец опять усилился (появление новых мыслей и заметок о воспитании в 90–900-х гг.), но самые взгляды Толстого резко изменились. Оглядываясь в “Исповеди” на свою прошедшую жизнь и на ее дела, Толстой резко осудил свою педагогическую деятельность, свою работу в качестве педагога-мыслителя и народного учителя. Религиозный переворот, совершившийся в сознании Толстого, заставил его признать свою предыдущую педагогическую деятельность прихотью и, употребляя самое страшное слово языка человеческого, “разворот”, “развращением детей”. Изменились и педагогические взгляды Толстого» [4. С. 255–256].

Характеризуя новую позицию Л. Н. Толстого по вопросам воспитания и образования, С. Н. Дурылин пишет: «Основу современных взглядов Толстого на воспитание, пользуясь его же словами, можно выразить так. Воспитательная гипнотизация — воспитательное внушение детям религиозного учения Христа в том виде, как его принял Толстой, — вот все, что должно заложить и в современную школу, и в идеи новой педаго-

гики, и в саму педагогику; остальное же — образование, знания, наука, искусство — или несущественно, или ненужно, или вредно. Нравственная же гипнотизация, ныне проповедуемая Толстым, уже, конечно, ничего общего не имеет со свободным воспитанием, а всецело относится к тому “нравственному деспотизму”, против которого так гениально выступал Толстой 60-х гг. Толстого-педагога, Толстого — вдумчивого аналитика педагогической мысли, Толстого-искателя педагогической правды и истины, ее проповедника — теперь не существует. Есть Толстой-моралист, излагающий нравственные теоремы своего учения и стремящийся распространить их возможно шире вплоть до детского сознания... Из сторонника, зачинателя и борца за свободное воспитание, каким он был в 60–70-х гг., Толстой превратился теперь в сторонника религиозного воспитания в духе собственного понимания христианства, в принципиального противника педагогики, которую он олицетворял в виде одного из дьяволов, губящих и соблазняющих людей, в проповедника морального учения, в котором заключено общее спасение и возрождение. Я глубоко убежден, что Толстой, создавшей Яснополянскую школу и IV том своих сочинений, будет вечно жив и дорог всем, кто борется за новую школу, за освобождение детей» [4. С. 256–257].

Таким образом, из статьи следует, что С. Н. Дурылин в период ее написания достаточно избирательно

относился к педагогическим идеям Л. Н. Толстого и один только авторитет великого писателя не был залогом безоговорочного принятия и одобрения всех его мыслей.

Когда была написана статья? Точно ответить на этот вопрос невозможно. Однако сохранились документы, свидетельствующие о духовных исканиях С. Н. Дурылина, его колебаниях в отношении к Л. Н. Толстому. Например, в письме Н. Н. Гусеву 19 декабря 1909 г. он пишет: «Те годы, после несчастного 1905, 906 г., 907, часть 908, я вспоминаю с грустью, с тоской, с сожалением... Я тогда много мучился, много мучил других, и, в конце концов, несмотря на мои увлечения то Толстым, то другим, был глубоко несчастен. <...> Единственный, кто был трезв, кто не подчинился обману тогда, мне представляется — Толстой. Я долго, слишком долго не понимал этого, но, когда понял, я отстранился от всего — и теперь я живу и поступаю на свой собственный страх» [8. С. 107–108]. Из этого письма следует, что статья была написана либо во второй половине 1907 г., когда начал издаваться журнал «Свободное воспитание», либо — в первой половине 1908 г., когда колебания С. Н. Дурылина (в том числе и в отношении Л. Н. Толстого) еще продолжались.

Возможно, поводом для написания статьи послужил отзыв Л. Н. Толстого на статью С. Н. Дурылина «Воспитание мужества», которая была опубликована

в № 4 журнала «Свободное воспитание» за 1907/1908 г. Сам Сергей Николаевич позднее так вспоминал об этом событии: «Лев Николаевич читал “Свободное воспитание”. В одной из первых книжек журнала я изложил только что вышедшую немецкую книгу профессора Л. Гурлитта “Воспитание мужественности”. В ней Гурлитт доказывает необходимость творческого воспитания личности, считая истинно мужественными таких людей чистой воли и напряженного творчества, как Лютер, Р. Вагнер. К изложению мыслей Гурлитта я присоединил несколько своих замечаний о необходимости педагогической свободы для творческого воспитания личности. Лев Николаевич, занимавшийся тогда с деревенскими детьми географией и нравственными беседами, прочел мою статью. Тогда же через И. И. Горбунова мне был передан отзыв Льва Николаевича: “Я согласен: свобода. Свобода нужна, но свобода всегда бывает для чего-нибудь и от чего-нибудь. Свобода от насильственного обучения — это понятно, но для чего нужна человеку свобода? Можно ею воспользоваться для чего угодно. Настоящая свобода возможна только при соблюдении нравственного закона. Только религиозный человек — свободный человек”. Этот переданный мне И. И. Горбуновым отзыв Льва Николаевича выражал окончательный взгляд его на верховную задачу воспитания и образования» [5].

Этот отзыв во многом противо-

речил теории свободного образования Л. Н. Толстого 1860-х — 70-х гг., искренним и горячим приверженцем которой был С. Н. Дурылин. Возможно, отзыв великого мыслителя вызвал несогласие и раздражение, что породило желание ответить на него, что молодой литератор и сделал. Это тем более представляется вероятным, что многие представители российского свободного воспитания начала XX в., при всем их преклонении перед Л. Н. Толстым, выражали несогласие с его педагогическими идеями

последнего периода жизни. Это, например, делал К. Н. Вентцель², еще один кумир С. Н. Дурылина, посвятившего ему свою книгу «В школьной тюрьме»³. С. Н. Дурылин ценил К. Н. Вентцеля очень высоко, заявляя: «В современной педагогической литературе, кроме некоторых мыслей Л. Н. Толстого, я знаю только одну работу, в которой признается и утверждается за ребенком право воспитателя и где ребенку-воспитателю отведено несколько ярких и убежденных страниц: это прекрасная работа К. Н. Вентцеля

² «Ни религия, ни нравственность не могут быть основой воспитания. Всякое воспитание, в основу которого положена религия или нравственность, уже по этому самому есть не свободное воспитание. Вообще всякая внешняя цель, которую мы ставим себе в деле воспитания, делает его несвободным. Воспитание и образование не должно служить никакой внешней цели, оно должно служить самому себе. Если же воспитание и образование основано на чем-либо, то уже сам факт этого обоснования извращает его истинный характер. Всякое воспитание и образование, основанное на чем-либо, а не на самом себе, есть ложное воспитание и образование, хотя бы для обоснования воспитания и образования служило то, что Толстой называет религией и нравственностью. <...> Если я говорю, что религия и нравственность не должны быть основой воспитания, то это вовсе не значит, что я отрицаю религию и нравственность. Я отрицаю их только в качестве основы воспитания, но не отрицаю их самих по себе. Человек — творец религии и нравственности и, если мы хотим, чтобы он создал высшие формы религии и нравственности, мы должны освободить его развитие от давления низших форм религии и нравственности. <...> Под образованием Толстой, очевидно, разумеет передачу знаний. И самое воспитание он ставит в зависимость от этой передачи знаний, говоря, — «нельзя воспитывать, не передавая знаний». Тут-то и кроется роковое заблуждение, которое влечет за собой ложные выводы по вопросу о том, на чем должно основываться истинное воспитание и образование. Образование не есть передача знаний, а есть самостоятельное завоевание знаний. Истинное образование заключается не в том, чтобы передавать знания, а в том, чтобы содействовать детям в самостоятельном приобретении этих знаний, не в том, чтобы сообщать детям ответы на те вопросы, которые возникают в их душе, а в том, чтобы помогать им самостоятельно добиваться ответов на эти вопросы. И Толстой смотрит на образование с точки зрения наполнения детей всякого рода знаниями, только вся разница от обычного взгляда на образование, который находит свое применение в существующей школе, заключается в том, что Толстой хотел бы наполнить души детей тем, что он считает истинным и ценным знанием, нужным для жизни религиозной и нравственной, а существующая школа наполняет души детей знанием, которое с точки зрения Толстого представляется излишним, ненужным. Толстой стоит на той же почве, на какой стоят и его противники, с которыми он борется». (Вентцель К. Н. Свободное воспитание. Сборник избр. трудов / Под ред. Л. Д. Филоненко. — М.: А.П.О. — 1993. — С. 125–126).

³ В посвящении было сказано: «Борцам за свободу детей — дорогим и любимым К. Н. Вентцелю и М. М. Клечковскому».

“Принцип авторитета и его значение в жизни и в воспитании” (Вестник воспитания. — 1909. — № 3)»⁴.

Однако, как свидетельствует приведенный выше фрагмент письма С. Н. Дурылина Н. Н. Гусеву, со второй половины 1908 г. он определился в своем позитивном отношении к учению Л. Н. Толстого в целом. В этом его отношении к идеям великого мыслителя еще более укрепила состоявшаяся 28 октября 1909 г. их личная встреча и беседы в Ясной Поляне. О ней С. Н. Дурылин подробно рассказал в уже неоднократно цитировавшемся очерке-воспоминании «У Толстого и о Толстом», а также в письме Н. Н. Гусеву, в котором есть такие слова: «Поговорив с Толстым и повидав его день, нельзя, по-моему, не ухать от него толстовцем, в том смысле, что всегда будешь носить в себе его образ и всегда будешь любить его!» [8. С. 110].

О своей встрече с великим писателем С. Н. Дурылин рассказывает и в статье «Л. Н. Толстой как школьной учитель», опубликованной в № 6 журнала «Свободное воспитание» за 1910/1911 г., практически сразу же после смерти мыслителя, на похоронах которого он присутствовал. В этой статье С. Н. Дурылин выразил

и свое новое отношение к педагогическим идеям Л. Н. Толстого 1890-х — 1900-х гг. С. Н. Дурылин пишет о том, что «софистическому безразличию к знанию Сократ противопоставляет ...этическую оценку знания; произволу знания — противопоставляет глубокий духовный иерархизм знания. ...Толстой, для которого дети были сосуды Божьей правды, не хотел, чтобы вместо вдохновенной мудрости всего мира и всех веков, вместо знания о Боге и Его мире, мы наполняли бы их историями о муховидных. Если мы не можем знать *всего*, то пусть мы и наши дети будем знать не хронологию французских королей, не классификацию пресмыкающихся, — но то, в чем существо мировой жизни, в чем смысл, радость и вечность человеческой жизни. Если мы хотим любить и — даже не говоря о любви — просто уважать человека и ребенка, то мы не должны относиться с неуважением к *его* мысли и разуму, а обременять разум и мысль муховидными и утаивать от них вдохновение вечной мысли — значит не уважать человека, презирать ребенка. Против этого презрения к человеческому разуму горячо и восстал Толстой, в этом великий смысл его воззрений на знание и науку» [4. С. 261–263].

⁴ Следует отметить, что С. Н. Дурылин был нетерпим к идеям К. Н. Вентцеля, в случае, если их взгляды не совпадали. См., например, статью С. Н. Дурылина «Педагогика творческой личности» (Свободное воспитание в России: К. Н. Вентцель и С. Н. Дурылин: Антология педагогической мысли / Ред.-сост. Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2008. — С. 286–307.), в которой он резко критикует за излишний радикализм ряд важнейших положений программной работы К. Н. Вентцеля «Принцип авторитета и его значение в жизни и воспитании» (Там же. С. 128–156).

С. Н. Дурылин, говоря о том, что «деятельность Толстого как школьного учителя возобновилась в конце его жизни, в девятисотых годах», отмечает, что «есть лишь одно отличие семидесятилетнего школьного учителя от тридцатилетнего. Если через деятельность яснополянской школы особенно ярко прошла та первая красная черта <...> — принцип детской свободы и независимости, то последняя педагогическая деятельность Льва Николаевича, сохранив в себе полностью эту драгоценную черту, была отмечена незабываемо и второй <...> чертою: особенной строгостью в выборе того, что должно предлагать детям, строгости, свидетельствующей о глубоком уважении к человеческому разуму и душе. <...> Новая забота о том, чтобы детский разум был вдохновлен великими, вечными истинами и идеями, переполняет великого учителя наряду со старой заботой. <...> В глубокой старости, в предсмертные годы Л. Толстой еще раз преклонился пред ребенком и божественностью человеческого духа и еще беспримечнее. Он сделал ребенка участником своего религиозного творчества, религиозно-го служения» [4. С. 271—272].

Возможно, что принятие точки

зрения Л. Н. Толстого на воспитание детей в контексте его религиозно-нравственного учения, способствовало к тому, что С. Н. Дурылин в 1913 г. перестал сотрудничать с журналом «Свободное воспитание» и практически перестал заниматься педагогической проблематикой⁵. В августе 1917 г. он объяснил причины своего «ухода из педагогики» в письме И. И. Горбунову-Посадову в ответ на его приглашение принять участие в праздновании десятилетнего юбилея журнала. Это письмо было опубликовано в № 1—2 «Свободного воспитания» за 1918 г. Приведем полностью его содержание, так как оно буквально пронизано религиозно-нравственными идеями Л. Н. Толстого:

«Дорогой Иван Иванович!

Я очень признателен вам за добрую память обо мне. Ваше письмо дошло до меня лишь в конце августа, и я отвечаю на него, не зная, когда мой ответ дойдет до вас. В течение последних пяти лет я не печатал ни строчки по вопросам воспитания, но немало думал о них, так как все это время, месяц за месяцем, жил с детьми, сходилась с ними близко, сживался с их душевными и умственными нуждами, на которые, по мере сил и

⁵ В 1914 г. в наброске предполагаемого (но так и осуществленного) семитомного собрания своих сочинений, С. Н. Дурылин пятый том назвал «Педагогика». Он подробно расписал его содержание: «Педагогика (1907 – 1913). Том V. Что дала Гоголю школа? – Вечные дети. – Л. Толстой – школьный учитель. – Пирогов и будущее педагогики. О силе просвещения и народном просвещении. – Культура и совместное воспитание. – Педагогические памятники: I. Тургенев. II. Белинский. III. Ломоносов. – История одной свободной школы. – Дети и искусство. – Из размышлений о религиозном воспитании. Этика и педагогика творческой личности» (Резниченко А. С. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // Резниченко А. С. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. – М.: Модест Королев, 2011. – С. 479).

умения, принужден был отвечать. И вот к чему я пришел, — пришел ценою многих ошибок и грубых заблуждений, ценою отмены многого, во что я прежде верил, как в самоочевидную истину.

Когда-то я очень любил известное изречение Руссо: “Искусство воспитания состоит в том, чтобы не воспитывать”. В нем виделась мне истина, почти самоочевидная. Теперь оно представляется мне вовсе не выражающим и доли истины. Я думаю теперь как раз обратное: не только искусство воспитания, но и все искусство жизни состоит в том, чтобы непрестанно воспитывать. Кого? Себя самого так же, как своего или чужого ребенка. И мало того: весь смысл жизни лишь в том, чтобы не только воспитывать себя ли, других ли, но и быть непрестанно воспитываемым единственным воспитателем — той истиной, которая принесена на землю Христом. Истинного воспитания нет вне христианства, потому что только христианство раскрыло всецелую правду о природе человека, указав, — со всею беспощадной силой истины, — что человеку присуща с малых лет не только живая причастность бессмертию, но и действительное рабство греху и смерти. Поэтому у воспитания может быть и есть только одна задача, — величайшая, правда, но и труднейшая, к разрешению которой безумием было бы и приступать без великой помощи религии, — эта задача: бороться в ребенке, как и во взрослом человеке, со всем, что является в человеческой природе

прямым следствием рабства греху, и бережно хранить и помогать росту того, что в человеческой природе свидетельствует о бессмертных истинах и корнях человека, что являет собой нетленный отблеск Божества в строе человеческого духа, души и тела. При такой верховной задаче, — а мне представляется она единственной задачей воспитания, — воспитание должно быть тем же, чем должна быть и философия — “служанкой религии”.

Вопрос воспитания переносится, таким образом, всецело в ясную сферу религии, а область воспитания местом частых применений того непреложного знания о человеческой природе, о добре и зле в человеке и мире, о значении и назначении человека, о сущности мирового процесса и истории, которые дает и может дать одна только религия. Для меня знание о ребенке лежит всецело в знании о человеке, а это знание дано в величайшей и единственной полноте христианством.

Когда я понял это, все вопросы, собственно педагогические, стали для меня частным видом вопросов религиозных, а все эти вопросы разрешаются для меня лишь верою в Того, Кто сказал про Себя: “Я есмь путь, истина и жизнь” (Ев. от Иоан.).

Вот в двух словах то, к чему я пришел путем многолетней думы и практической работы над вопросами воспитания. Писать об этом мне стало труднее, но жить и работать с этим мне стало легче и светлее. Я перестал быть писателем по педагогическим вопросам, но по-прежнему — и больше прежнего

— нахожу много радости в работе с детьми, около детей и для детей.

Шлю вам свой искренний привет и еще раз благодарю за добрую память обо мне.

Преданный вам Сергей Дурылин» [4. С. 330—331].

Следует отметить, что в середине 1920-х гг. после ужасов Октябрьской революции и Гражданской войны С. Н. Дурылин, попавший в жернова политических репрессий, начинает весьма критически высказываться о своем былом кумире. Об этом, в частности, свидетельствуют фрагменты из его дневников:

«Толстой был “специалист” по “религиям” и исписал томы (скучные томы), так хотел его ум, но душа его не пахла религиозным; ее запах не был тонкий аромат религиозного; ни одно его слово, ни одна его книга религиозно не пахучи. От этого от так много “выражал себя” (целые десятки томов о религии) — на горе себе, выразил, кажется себя всего: и это все оказалось религиозным ничем — ни самой маленькой струйки религиозного аромата».

«Есть ум — дурак: все переумнит и ничего не поймет. Такой ум был у Толстого».

«То, что я видел Льва Толстого, это не так уж и важно, поменялся бы охотно с тем, кто знал денщика Лермонтова».

«Все, что пишет Толстой, доносится как из граммофона; голос заключен в мембрану, в рупор толстовских идей, мыслей, взглядов, — и его нельзя слы-

шать без сопровождения их шипенья, вибрации, гудения, постоянно примашивающих к его прямому звуку» [6. С. 102, 173, 350, 398].

Однако постепенно С. Н. Дурылин вновь возвращается к однозначно положительной оценке идей великого мыслителя. Возможно, толчок этому дала работа над очерком воспоминаний «У Толстого и о Толстом», которую он завершил по просьбе Н. Н. Гусева в январе 1928 г. Именно в это время он пишет в своем дневнике: «Можно придумать всевозможные обвинения против толстовства, изобрести какие угодно возражения против затраты всех своих сил и построение кельи под елью для нравственного своего совершенствования, против нянченья со своим усовершенствующимся “Я”, можно выдвигать какие угодно иные идеалы общественные, политические, религиозные, нравственные, но нельзя возразить ничего против одной правоты Толстого. Эта правота — что всякое действительное начало есть *начало с себя*. “Я” — та станция, которая не может не быть станцией отправления во всяком *действительном* деле какой угодно величины. И “Я” — есть та единственная станция, с которой каждый свободен выехать, куда ему надо» [6. С. 497].

И, наконец, в декабре 1930 г. после трехлетней томской ссылки, живущий в Киржаче С. Н. Дурылин делает запись: «Я особенно — к концу жизни, как и при ее начале (сознательной моей жизни) — стал любить Л. Толстого. В нравственном нашем сознании самые

прямые — как мужицкая тележная колея — и потому самые твердые и глубокие линии провел он один. Только у Толстого “не убий” *всегда* значит “не убий”, “люби”! *всегда* значит “люби”! У других — будь они разидеалисты, “не убий” может значить иной раз “убий, прилежно и обильно убий!”, а “люби!” может значить и “ненавидь!”. Отсюда — “жизни перешедши неве-

домое поле”, или почти перешедши — моя новая любовь к Толстому, и мало сказать: любовь — моя любовь к Толстому, и мало сказать: любовь — моя любовь — благодарность, любовь — признательность» [6. С. 795].

С. Н. Дурылин это восхищение Л. Н. Толстым пронес до конца своей жизни.

Список литературы

1. Вентцель, К. Н. Свободное воспитание. Сборник избр. трудов / К. Н. Вентцель ; Под ред. Л. Д. Филоненко — М. : А.П.О. — 1993. — 172 с.

2. Гончаров, В. А. Отказывался ли о. Сергей Дурылин от духовного сана? / В. А. Гончаров, В. В. Нехотин // Община XXI век. — 2001. — № 4—5. — С. 6—7.

3. Дурылин, С. Н. В школьной тюрьме. Исповедь ученика / С. Н. Дурылин // Дурылин С. Н. Идеал свободной школы: Избр. пед. произв. — М. : АСОУ, 2007. — С. 45—47.

4. Дурылин, С. Н. Идеал свободной школы: Избр. пед. произв. / С. Н. Дурылин ; Отв. ред., сост. и автор предисловия Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2003. — 212 с.

5. Дурылин, С. Н. У Толстого и о Толстом / С. Н. Дурылин // Прометей: историко-биографический альманах. — М.: Прометей — 1980. — Т. 12. — С. 199—226.

6. Дурылин, С. Н. В своем углу / С. Н. Дурылин ; Сост. и прим. В. Н. Тороповой. — М. : Молодая гвардия, 2006. — 879 с.

7. Дурылин, С. Н. Л. Н. Толстой и свободное воспитание / С. Н. Дурылин // Свободное воспитание. ВЛАДИ. Педаго-

гический альманах. Вып. 4. — М., 1993. — С. 1—4.

8. Никерина, И. В. «Берите пример с Сережи...» (К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Н. Дурылина) / И. В. Никерина // Резниченко А. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. — М. : Модест Королев, 2010. — С. 107—108.

9. Половинкин, С. М. С. Н. Дурылин — учитель свв. Царских Дочерей и А.Д. Сахарова / С. М. Половинкин // Резниченко А. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. — М. : Модест Королев, 2010. — С. 313—315.

10. Померанцева, Г. Е. На путях и перепутьях. (О Сергее Николаевиче Дурылине) Текст / Г. Е. Померанцева // Дурылин С. Н. В своем углу. — М. : Молодая гвардия, 2006. — С. 5—96.

11. Резниченко, А. Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) / А. Резниченко // Резниченко А. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. — М. : Модест Королев, 2011. — С. 426—478.

12. Свободное воспитание в России: К. Н. Вентцель и С. Н. Дурылин: Антология педагогической мысли / Ред.-сост. Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2008. — С. 286—307.